

Страх как рамка понимания происходящего

Различные обстоятельства, вызывавшие беспокойство, тревогу или страх у людей или представлявшие угрозу их безопасности или благополучию, отслеживаются в исследованиях ВЦИОМ, начиная с самых первых опросов, т.е. с февраля 1989 г.

Структура страхов

Если об "уровнях страха" мы можем говорить как о чем-то более или менее постоянном и однозначном, то в отношении видов страха и тем более интенсивности выражения этих страхов решающее воздействие на получаемые результаты оказывают средства измерения (характер вопроса, детализация вариантов или оснований страха и пр.).

В том же 1989 г. по опросу "Советский человек" (общероссийская выборка, N=1250 человек) при ответе на вопрос: "Что вызывает у Вас самое большое беспокойство, тревогу, чего Вы боитесь больше всего?" (В % от числа опрошенных, можно было выбрать несколько вариантов ответа, но ответы не шкалировались как позже, в 1994 и 1999 гг.) была получена следующая последовательность, и частота выбора различных видов "страхов":

Вариант ответа	%
Болезнь детей и близких	61
Война, массовая резня	51
Болезни, потеря работоспособности	39
Стихийные бедствия	38
Старость, беспомощность	34
Гибель человечества	28
Беззаконие, произвол властей	23
Нападение преступников	18
Физическая боль, мучения	17
Публичные унижения, оскорбления	15
Собственная смерть	13
Бедность	12
Возврат к массовым репрессиям	12
Национальные конфликты	6
Гнев Божий	5
Особых страхов не испытываю	5

Таблица 1

Возможны ли в будущем году такие катастрофические события, как...
(в % от числа опрошенных а каждом опросе; данные по затруднившимся
с ответом во всех трех случаях не приводятся)

Событие	Опросы "Новый год", 1989 г						Пресс-опрос "Литературной газеты", 1989 г, N-1164 человека		
	февраль, N=1058 человек			декабрь, N=1100 человек					
	А Допус- кают*	Б Не допус- кают**	А/Б	А Допус- кают*	Б Не допус- кают**	А/Б	А. Допус- кают*	Б Не допус- кают**	А/Б
Мировая война	4	74	0,05	5	63	0,09	4	88	0,04
Гражданская война***				30	36	0,8			
Переворот в руководстве страны	19	53	0,4	40	20	2,0	32	52	0,6
Экономическая катастрофа, хозяйственная разруха	25	43	0,6	20	42	0,5	39	38	1,0
Необратимый экологический кризис	38	28	1,4	38	29	1,3	51	24	2,1
Массовые эпидемии	38	35	1,1	39	36	1,1	33	42	0,8
Крупномасштабные технические аварии	42	8	5,2	64	9	7,1	86	3	28,7
Стихийные бедствия	62	8	7,8	47	4	11,8	81	2	41
Вспышки массового насилия на национальной почве	41	28	1,5	47	5	9,4	78	10	7,8
Возврат к массовым репрессиям	5	70	0,1	14	44	0,3	8	76	0,1

* Сумма ответов "вполне реальны" и "не исключено".

** Сумма ответов "мало реальны" и "совершенно исключено"

*** Этот вопрос задавался только во всеоюзном репрезентативном опросе, ранее и в пресс-опросе "Литературной газеты" этот вариант подсказки отсутствовал

Сравнение опросов разного типа по одной и той же тематике, проведенных в одном и том же сравнительно спокойном году, но различающихся по форме и характеру постановки вопроса, показывает, что необходимо различать не только виды страха или тревоги, но и вероятность, интенсивность этих настроений. Так, войны боится значительное число опрошенных, но при этом они считают ее маловероятной. Напротив, вспышки массового насилия на национальной почве весьма возможны, но большинство этого явления не боится, полагая, что их собственная жизнь протекает в стороне от него.

Социальные характеристики носителей страхов в ранних опросах 1989—1991 гг. очень близки, поэтому рассмотрим их на примере опроса "Советский человек" 1989 г. Остановимся только на нескольких видах тревог и страхов. Наиболее выраженная тревога — боязнь за детей и здоровье близких характеризуется отчетливой концентрацией среди статусно более высоких и образованных групп (руководителей и ИТР — 74-75%), среди пенсионеров (55%), среди сравнительно молодых, т.е. обзаведшихся семьей и чувствующих свою ответственность (пик приходится на возраст 25-30-летних опрошенных), скорее среди женщин (68%), чем среди мужчин (53%). Связь этого вида страха с уровнем дохода отсутствует. Можно говорить о выраженной урбанизационной переменной: в столицах и больших городах страх за детей и здоровье близких достигает максимума, слабее же всего он выражен в малых городах. К нему (по типу распределения) приближаются такие социально выраженные страхи, как страх перед "болезнями, потерей работоспособности", перед "произволом властей, беззаконием", "возвратом к массовым репрессиям", "публичными оскорблениями, унижениями", однако по этим позициям максимум опасений свойствен мужчинам (причем иногда разрыв весьма заметен, как в случае с "произволом властей" или "угрозой возврата к массовым репрессиям", — примерно в полтора раза), в остальном распределения схожи.

Иной характер, иной профиль групповых распределений ответов имеют такие тревоги, как страх перед угрозами больших стихийных бедствий, старостью, беспомощностью, войной, собственной смертью и другими. Проиллюстрируем это на примере фоновых, чисто проективных страхов и тревог в связи с угрозой стихийных бедствий. Нельзя сказать, что Россия находится в опасной природно-климатической зоне, и тем не менее это один из наиболее выраженных видов страхов. Они в большей степени свойственны женщинам (43%), чем мужчинам (32%). С возрастом они усиливаются и концентрируются преимущественно в предпенсионных и пенсионных возрастных группах, среди низкообразованных, особенно среди пенсионеров (до 24 лет — 23%, что вызывает некоторое удивление и требует специального разъяснения, 40-54 года — 44%, старше 55 лет — 47%). Впрочем, если не принимать во внимание полярные группы — молодежи и пенсионеров, то разница между группами практически исчезает: у руководителей, ИТР, рабочих, служащих, военных этот показатель составляет 38-39%. Иногда, как, например, в случае страха, вызванного угрозой войны, связь некоторых социальных характеристик и страхов выглядит более четкой — чем ниже душевые доходы в семье, тем выше уровень страхов возникновения мировой войны.

Схожий порядок распределения страхов и тревог получен в двух последующих больших опросах (табл 2).

В данном случае о значительных изменениях можно говорить только применительно к позициям "нищета" (увеличение почти на

Что больше всего вызывает у Вас страх, тревогу?
(в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1992 г	1993 г.
Война, массовая резня	62	58
Потеря близких	47	50
Голод	30	34
Старость, болезни	26	20
Нищета	21	29
Произвол властей	19	22
Физическое насилие	12	19
Гнев Божий, Страшный Суд	10	9
Собственная смерть	8	7
Публичные оскорбления, унижения	8	7

треть) и "физическое насилие" (в полтора раза). Последнее порождает резкий рост дальнейших страхов перед преступностью. Иначе говоря, риторика "дальних" страхов на этот момент остается почти той же самой.

Наиболее же устойчивой формой вопроса об интенсивности разных видов страха стали соответствующие блоки в исследованиях "Советский человек" 1994 и 1999 гг. (табл. 3).

Подчеркну, что в 1994 г. вполне вероятной массовую безработицу в ближайшие месяцы считали 64% опрошенных (маловероятной — 21%), массовый голод, резкое ухудшение продовольственного снабжения — 32% (маловероятным — 49%), вооруженные столкновения с другими республиками бывшего СССР — 35% (маловероятным — 40%), гражданскую войну — 27% (маловероятным — 44%).

Отметим наиболее существенные изменения, произошедшие с 1994 по 1999 г. В этот период усилились страх и тревога по следующим позициям:

1. Страх за здоровье детей и близких вырос во всех категориях опрошенных (увеличилась не только общая масса тревожных ответов — примерно на 8%, но и сам индекс тревожности вырос более чем вдвое — с 13 до 28,3, т.е. уменьшилось число людей не боящихся, спокойных, владеющих собой). Причем этот вид страха усиливается с возрастом и по мере снижения уровня образования (что понятно, поскольку это взаимосвязанные переменные). Ранее тревожность женщин по этому показателю заметно превосходила обеспокоенность мужчин, но в 1999 г. этот показатель у последних сравнялся с тем уровнем, который был у женщин пять лет назад (то же самое можно было бы отметить и в отношении страха перед преступниками, однако тревоги женщин в этом случае слабеют, а мужчин усиливаются);

2. Страх перед безработицей и, соответственно, растущей бедностью вырос более чем на треть, а среди женщин почти в полтора раза; индекс тревожности вырос в два с половиной раза (с

Таблица 3

Бойтесь ли Вы перечисленных ниже событий и в какой мере?*

(в % от числа опрошенных, "Советский человек", ноябрь 1994 г. и март 1999 г.)

Группы опрошенных в соответствующем году	Болезнь детей и близких	Нападение преступников	Бедность, безработица	Болезни, мучения, смерть	Мировая война	Произвол властей, беззаконие	Стихийные бедствия	Публичные оскорбления и унижения	Насилие на национальной почве	Возврат к массовым репрессиям
Пол: женщины 1994 г	78	71	56	61	56	52	41	42	50	40
1999 г**	90	58	71	70	55	53	47	35	44	31
мужчины 1994 г.	72	51	41	42	45	49	23	30	38	35
1999 г.	78	58	60	53	41	57	25	29	36	25
Возраст: до 25 лет 1994 г.	79	57	41	43	45	48	25	39	41	36
1999 г.	80	46	69	53	50	44	29	37	40	25
25-39 лет 1994 г.	79	57	51	50	48	48	30	36	43	33
1999 г.	84	50	66	56	46	55	22	31	40	28
40-54 года 1994 г.	78	67	54	48	51	55	31	37	46	39
1999 г	87	50	75	61	45	53	32	33	39	28
55 лет и старше										
1994 г.	76	68	48	62	57	52	42	36	48	43
1999 г.	86	59	58	75	54	62	38	30	42	31
Образование высшее 1994 г.	74	58	42	44	40	50	23	36	43	35
1999 г.	78	52	55	48	37	48	19	28	38	30
среднее 1994 г.	81	63	49	51	39	52	33	37	46	36
1999 г.	84	51	69	59	48	53	31	31	39	27
ниже среднего 1994 г.	75	63	52	56	57	50	36	36	44	40
1999 г.	88	53	67	72	53	60	42	33	44	29
В среднем 1994 г.	79	63	49	52	49	51	32	37	45	37
1999 г.	85	52	66	62	49	55	33	32	40	28
Индекс тревожности										
1994 г***	13,0	5,3	2,2	2,7	2,2	3,6	1,1	1,4	2,0	1,4
1999 г.	28,3	2,7	5,5	4,1	2,2	4,2	1,2	1,0	1,7	0,8
Изменение индекса	+15,3	-2,6	+3,3	+1,4	0	+0,6	+0,1	-0,4	-0,3	-0,6

* Приводится сумма двух вариантов ответов — 4-й и 5-й из пятичленной шкалы — от 1 — "совершенно не испытываю страха" до 5 — "испытываю постоянный страх" (в % от числа опрошенных).

** Полужирным курсивом выделен рост значений показателей страхов в 1999 г., заметно превосходящих величину допустимых статистических колебаний.

*** Отношение тех, кто очень боится, к тем, кто совсем не испытывает этих страхов или испытывает их в незначительной степени.

2,2 до 5,5); однако по жизненным фазам этот вид страхов распределяется весьма неравномерно. Острее всего он у самых молодых (рост общего числа "тревожных" ответов более, чем на 15%) и у 40-50-летних респондентов (в 1,4 раза; этот период мы называем "критическим возрастом"). В дальнейшем этот страх слабеет пропорционально снижению запросов, стандартов уровня жизни и общему снижению всех потребностей человека, его отношений с жизнью и окружением. В максимальной степени эти страхи охватывают работников со средним уровнем образования и квалификации (рост в 1,4 раза), которых неустойчивость экономического положения ставит в самое уязвимое положение. Респонденты с высшим образованием чувствуют себя более уверенно, обладая и более высокими доходами и лучшими профессиональными перспективами, а малообразованные, как уже говорилось, готовы терпеть, сокращая характер своих запросов и потребностей. Подчеркнем также, что рост обеспокоенности этого рода выше среди мужчин, чем среди женщин — соответственно на 19 и 15 пп., или же почти вдвое и на четверть;

3. Напротив, усиливаются *страхи перед приближающейся смертью, неизбежными болезнями, мучениями* (сопровожаемые одиночеством, чувством ненужности, равнодушием или ограниченной способностью к пониманию окружающих и прочими возрастными аффектами), особенно значителен рост этого типа страхов среди мужчин — почти в полтора раза, тогда как среди женщин на — треть;

4. У мужчин заметно выросла обеспокоенность, связанная с произволом властей, — на 16% (среди женщин здесь изменений практически нет — рост на 1 пп.).

В целом можно сказать, что стали преобладать страхи более бытовые и более женского профиля, т.е. ослабли основные государственно-политические угрозы (война, репрессии, столкновения на национальной почве), беспокоившие прежде всего мужчин. Теперь, за редким исключением, мужчины подтягиваются по своим тревогам и страхам к женщинам. Пики тревожности спустились к более пожилым и концентрируются в группах респондентов с образованием ниже среднего.

За этот пятилетний период ослабли страх и тревога по таким позициям, как:

1) страх перед преступностью снизился на 20% с лишним (на 11 пп.) во всех, но особенно в старших возрастных группах (на 17 пп.), у людей со средним образованием и ниже (на 12 и на 10 пп.); индекс тревожности в этом случае уменьшился почти вдвое (с 5,3 до 2,7).

2) страх угрозы возврата к массовым репрессиям снизился на 25% (или 9 пп.), причем среди мужчин, которые десять лет назад острее женщин выражали подобные опасения, процесс ослабления социально-политических страхов еще заметнее;

3) страх перед публичным унижением и оскорблением, а также перед насилием в ходе национальных конфликтов и столкновений

уменьшился на 10-13% (подчеркнем, что приводимые данные опроса за 1999 г. собраны весной, до дагестанского конфликта и новой чеченской войны, до взрывов в российских городах, резко поднявших уровень массовой тревожности в связи с опасностью терактов).

Интенсивность прочих видов обеспокоенности и тревожности практически не изменилась или изменилась незначительно, в пределах статистически допустимой нормы точности.

Таким образом, изменились прежде всего группы, которые были в максимальной степени держателями страхов. В конце 80-х годов это были самые активные и ангажированные группы, захваченные начавшимися изменениями. "В основном исследовании, проведенном по региональной выборке ВЦИОМ, лица с высшим образованием по большинству вопросов давали в 1,5-2 раза и более критических и тревожных оценок, чем лица со средним образованием"¹. Но одновременно эти же группы обладали самым большим дефицитом средств объяснения происходящего и определения ориентиров будущего. Что же касается более консервативных групп, то в них никаких перемен не происходило, и "уровни страха" были относительно невысоки. С течением времени, т.е. к концу последнего десятилетия, у прежних активных групп образовались некоторые социальные ресурсы, отчасти сложилась новая структура отношений, которая делала их положение понятным, а будущее — предсказуемым. В связи с этим ослабли и социальные, мужские страхи. Напротив, женские, касающиеся дома, семьи, ближайшего окружения и другие, усилились, особенно в тех группах, которые обладали минимальными социальными и культурными ресурсами (табл. 4 и 5).

Отметим, что когда респонденты оказываются в экспертной позиции (т.е. когда они оценивают чувства окружающих), они заметно усиливают интенсивность выражения негативных состояний (кроме одиночества, которое у самих себя опрошенные отмечают вдвое чаще, чем у других): мужчины завышают чувство страха у окружающих по сравнению с собственным в 2,3 раза, агрессивность и озлобленность — в 2,2 раза. Женщины делают примерно то же самое по основным пунктам сравнения, но не в такой степени; исключение составляют их оценки уровня агрессивности у других, которые в четыре раза выше оценок собственной агрессивности) и оценки чувства обиды, которые превосходят не только соответствующие мужские оценки эмоционального состояния окружающих, но и мужские оценки собственного чувства обиженности.

Напротив, позитивные эмоции — усиление чувства свободы, собственного достоинства, надежды, гордости за страну и прочее (хотя все они представляют лишь незначительное число опрошенных) имеют явно мужской характер — как в оценках состояния окружающих, так и в самооценках, причем последние заметно

¹ Есть мнение. М., 1990. С. 15.

Таблица 4
Какие чувства усилились за последнее время у окружающих Вас людей?*

Виды чувств	Мужчины	Женщины	Соотношение ответов мужчин и женщин
Страх	22	35	0,6
Отчаяние	33	40	0,8
Обида	29	24	1,2
Агрессивность	38	36	1,1
Одиночество	4	6	0,7
Усталость, безразличие	53	52	1,0
Растерянность	22	25	0,9

* Исследование "Советский человек", 1999 г, N=2000 человек. В 1994 г этот вопрос не задавался

Таблице 5
Какие чувства усилились за последнее время у Вас лично?*

Виды чувств	Мужчины	Женщины	Соотношение ответов мужчин и женщин
Страх	10	25	0,4
Отчаяние	20	31	0,6
Обида	26	31	0,8
Агрессивность	17	9	1,9
Одиночество	8	12	0,7
Растерянность	17	24	0,7
Усталось, безразличие	33	42	0,8

* Исследование "Советский человек", 1999 г, N=2000 человек. В 1994 г этот вопрос не задавался

выше, чем соответствующие определения респондентами состояния других людей. Например, рост собственных надежд мужчины отмечают почти втрое (в 2,7 раза) чаще, чем рост оптимизма у окружающих (женщины — в 2,2 раза).

Позицию страха (диффузного, безотносительного к его источнику или причине) при характеристике окружающих выбирали чаще высокообразованные мужчины, чем респонденты со средним или неполным средним образованием (соответственно 30, 20 и 20%). Наличие страха у самих себя почти не различается в этих группах мужчин — соответственно 10, 11, 9%) У женщин оценки общего уровня страхов применительно к окружающим несколько выше, чем у мужчин, и страх усиливается со снижением образования У высокообразованных этот показатель чуть выше, чем у мужчин (32%), а у женщин со средним и низким образованием составляет уже 35 и 38%. Наличие страха у самих себя отметили женщины указанных групп по образованию — соответственно 16, 23 и 30%. Чем старше опрошенные, тем сильнее прорастает эта зависимость. Так, рост страха у окружающих от-

мечают 12% молодых мужчин и 30% молодых женщин. Из людей же старше 55 лет на это указывают 30 и 44% соответственно, у самих себя страх обнаруживают 3% молодых и 30% пожилых мужчин, 20% молодых и 33% пожилых женщин.

Анализ отдельных параметров страха в зависимости от различных ценностных установок позволяет утверждать, что страх усиливается пропорционально чувству несвободы и зависимости от внешних обстоятельств (респонденты, называвшие себя людьми несвободными, в полтора-два раза чаще, чем свободные указывали на то, что у окружающих их людей усилился страх). О самих себе они говорили то же самое в два-три раза чаще, чем те, кто полагали себя свободными. У женщин, разочарованных в нынешней жизни (поскольку она оказалась гораздо хуже, чем они представляли ее себе десять лет назад), чувство страха на четверть выше средних показателей (выше, соответственно, и оценки распространенности страха у окружающих). У мужчин такой связи не прослеживается (колебания в полярных по установкам группах не превышают 1-2 пп.).

Указание опрошенных на испытываемые окружающими или ими самими страхи (в опросах общественного мнения) есть способ негативного удержания ценностей определенных отношений в условиях, когда нормативная значимость институциональных рамок повседневной жизни (обычных, повторяющихся, рутинных отношений) ослабевает. Речь идет не столько о дефиците конкретной информации о ситуации действия, сколько о неопределенности, непредсказуемости основных партнеров действующего, от которых зависят сами определения рамок и норм ситуации. Основной вопрос, возникающий перед действующим, — что будет дальше, чего следует ждать? И не просто ждать, а со страхом потерять то, что уже имеет. В этом смысле ведущий мотив действия — не достичь чего-то или приобрести что-то, а постараться не утратить того, на что могут покушаться социальные или иррационально-природные силы.

Страх в этом случае становится одним из проявлений более общего механизма негативной идентификации, свидетельством о привычной уверенности в том, что нормальная жизнь ограничено подконтрольна индивиду, что она может быть гораздо хуже, чем сейчас. Предвосхищение этого заставляет (в качестве правила понимания, как культурная норма интерпретации реальности) сокращать объем желаемого, ценного, значимого, минимизировать свои требования и запросы к жизни. Иными словами, социальные страхи — форма редукции сложности и неопределенности происходящего, они вызваны расхождением представлений и ценностей частной жизни и институциональных структур. В тех обстоятельствах и ситуациях, когда институты (как система норм и правил поведения, в том числе санкционированного понимания и определения действительности) подверглись процессам эрозии и разложения, функции страха заключаются в поддержании некоторых важней-

ших ценностей и самоидентичности для групп, не имеющих специализированных средств их акцентирования и выражения. Страх в этом плане становится неприятным "горизонтом" настоящего, негативным модусом соотнесения, переоценки частного и других планов существования, т.е. важнейших повседневных взаимодействий. Коллективные страхи в России — это, повторим еще раз, не актуальные реакции на происходящее, а механизм переакцентирования настоящего, способ уменьшить степень смыслового разнообразия, выделив важнейшие вещи, самые необходимые для выживания. В этом плане специфические страхи (как часть культуры) могут рассматриваться в качестве симптома постоянной консервативной блокировки институциональных изменений.

В завершение позволю себе две метафоры, моделирующие разные типы конституции общества, связанные с двумя принципами удержания структурной упорядоченности и целостности системы. Воспользуемся организмическими метафорами общества (сравнение общества с организмом). В этом плане один тип будет представлять собой условно тип "позвоночных", другой — "ракообразных" (или насекомых с твердым хитиновым панцирем, колонии полипов и т.п.). Первые предполагают систему институциональных закрепленных взаимодействий, обусловленных структурами позитивной индивидуальной gratification (взаимодействия строятся не через наказания, а через множество взаимных вознаграждений, через позитив, структуры солидарности и констелляции общих интересов). Этими институтами ("позвоночник", опорно-двигательная система) будут рынок, представительская демократия, различного рода обмена и формы коллективной солидарности и т.п. Это принцип внутренней организации.

Другой тип представляет собой внешние структуры упорядочения, построенные по принципу негативной идентификации — отталкивания, неприятия, защиты, определения от противного. Защитный панцирь (неприятие чужого, другого, враждебного) служит формообразующей структурой (внутри себя опоры нет). Аналогия очень ограничена и нужна только для выдвижения эвристического принципа интерпретации разных оснований организации сообществ. "Чужой" или "Иное" — здесь условие производства "своего", границы "своего", "себя", элемент механизма самоутверждения, без которого представления о самости не возникают, поскольку самоопределения носят вторичный или производный от негатива характер. Самый простой случай — "против кого мы вместе" иллюстрирует лишь один из многих вариантов негативной идентификации (в частности, культурную и антропологическую специфику обществ "мобилизационного типа"). В этом плане страхи есть способ организации культурно-значимых позитивных значений, ценностей повседневности, которые иным образом просто не могут быть артикулированы. Враг в этом образе мира и реальности — не факти-

ческий противник, а условие проявления свойств своего, нашенского. Такой тип социокультурной и человеческой конституции появляется лишь в очень немногих ситуациях недоведенной или односторонней модернизации (структура формальных институтов уже сложилась, а антропологическая составляющая не развита), при которой оказалась деградированной элита. Предназначение последней — не только выработка новых ценностей и образцов, но и культивирование человеческой повседневности. Здесь же у частного человека отсутствуют, отобраны любые основания для позитивной самооценки как частного существа (в отличие от коллективного, державного или имперского человека), подавлены любые значения и ценности, которые могли бы придавать ему чувство гордости и самоуважения. В этой ситуации (при отсутствии собственных ресурсов самооценки, неотчуждаемых и контролируемых актором) и возникают негативные механизмы самоквалификации, такие, как страхи или этнические фобии, обеспечивающие особый, взвинченный, мобилизационный, чрезвычайный режим воспроизводства существования.